

1. Моторова, Л.А. Подготовка учителей-историков в Витебском педагогическом институте (1918–1924 гг.) / Л.А. Моторова, О.П. Шидловская // Веснік ВДУ. – 1998. – № 3. – С. 40–44.
2. Ліст Г.С. Еўдакіменкі Дз.В. Юрчаку ад 15.03.2011 г. // Асабісты архіў аўтара.
3. Ліст Г.С. Еўдакіменкі Дз.В. Юрчаку ад 05.04.2011 г. // Асабісты архіў аўтара.
4. Витебский государственный университет имени П.М. Машерова (1910–2010) / под ред. А.П. Солодкова. – Витебск, 2010.
5. Шибeko, З. Из истории Витебских археологических «курсов» / З. Шибeko // Неман. – 1980. – № 6. – С. 188–190.
6. Лисов, А.Г. Историк В.А. Вейгер-Рейдемейстер / А.Г. Лисов, А.М. Подлипский. – Витебск, 2004.
7. Дулаў, А.М. Асобы ў часе: загадчыкі кафедры гісторыі СССР ВДШ імя С.М. Кірава ў 1944–1955 гг. / А.М. Дулаў, Дз. В. Юрчак // Адукацыя на Віцебшчыне: гісторыя і сучаснасць: матэрыялы рэсп. навук.-практ. канф., Віцебск, 30–31 сакавіка 2010 г. / Віц. дзярж. ун-т; рэдкал.: В.У. Акуневіч (адк. рэд.) [і інш.]. – Віцебск, 2010. – С. 166–171.

СПЕЦИФИКА ПОГРАНИЧНОЙ СИТУАЦИИ НА ТЕРРИТОРИИ ПСКОВСКОГО КРАЯ В 1920–1930-е ГОДЫ

А.М. Егоров

Псков, Псковский юридический институт ФСИН России

Укрепление государственных рубежей является неотъемлемой частью политики национальной безопасности любой страны. В этом смысле исключительно большой интерес, как для историков, так и для специалистов-практиков в области правоохранительной деятельности представляют события, происходившие в 1920–30-е гг. на северо-западе России и, в частности, на псковском участке советской границы. Актуальность данной проблемы объясняется воссозданием в современных условиях псковского участка государственной границы, что способствовало, в свою очередь, постановкой специфических проблем, характерных для жизнедеятельности любого пограничного региона.

Чрезвычайные социальные потрясения, распад империи и негативные последствия жестокого гражданского конфликта негативно отразились на переговорах о территориальном размежевании между Советской Россией и новыми прибалтийскими республиками. Перемещение государственного рубежа на территорию Псковщины неизбежно сопровождалось возникновением традиционных для пограничного региона проблем, одной из которых является контрабандизм. Однако его масштабы на Северо-Западе в начале 1920-х годов прошлого века придали этому явлению небывало острый характер и чрезвычайный политический резонанс.

Указанный период характеризовался тяжелым социально-экономическим положением страны, что серьезно подрывало престиж государственной власти в наиболее затронутых разрухой районах. Упадок промышленности и сельского хозяйства в результате первой мировой и гражданской войн, рост цен и безработица, острый товарный дефицит и огромные очереди за элементарными предметами первой необходимости порождали спекуляцию и стимулировали рост преступности. Материальные затруднения населения способствовали развитию «черного рынка» и контрабандной торговли, которая в пограничных районах превращалась в устойчивый криминальный бизнес [1].

Обычным явлением для России первой половины 20-х годов XX века являлось так называемое «мешочничество». Ежегодно массы горожан устремлялись в сельскую округу, на Украину и Кубань, в Сибирь и Среднюю Азию. Первоначально большинство из них гнал в дорогу голод и желание выменять на имеющиеся вещи продукты питания. Это движение было хорошо известно и на Северо-Западе России.

Однако здесь это движение не всегда сопровождалось обычным обменом вещей на продукты питания. Многих приезжих привлекала возможность заполучить импортные товары. Их притягивала граница, и местные жители довольно быстро осознали выгоду своего положения. Следует особо учесть, что приграничное население довольно сильно пострадало в результате боевых действий 1918-1920 гг. На Изборском направлении, например, была выжжена значительная часть деревень. Но уже к 1923 году здесь выросли фактически новые поселки с домами на каменных фундаментах и хозяйственными постройками из плитняка [2]. Их хозяева даже не отрицали, что средства на строительство зачастую добывались ими благодаря занятию контрабандой.

Жесткие административные методы воздействия, вроде круговой поруки или отселения наиболее злостных нарушителей режима из пограничной полосы, давали порой нежелательный для властей побочный эффект. «Настроение крестьян очень плохое... По деревне идешь – закрывают двери», – такими и подобными им выражениями пестрели письма красноармейцев, дислоцировавшихся в пограничных районах [3]. Массовый контрабандизм являлся своеобразным барометром, который чутко реагировал на экономическое положение населения. В связи с этим начальник Псковского ОГПУ Невернов еще в середине 1920-х гг. считал, что окончательно закрыть границу на замок и ликвидировать промысловый контрабандизм можно лишь при условии развития производства и снижения цен на товары внутри страны [4].

Контрабандные операции осуществлялись с широким размахом на всем протяжении северо-западной границы, начиная от Мурманского края и заканчивая прибалтийским участком. На Севере контрабанда перемещалась командами и владельцами русских парусных судов, иностранными моряками, кочующими племенами самоедов и лопарей [5]. Но ее ассортимент здесь был достаточно ограничен, а объем относительно невелик. Зато южнее контрабандизм приобретал все более организованные формы и значительные масштабы. Порой в него вовлекались ответственные должностные лица. В качестве канала нелегального товарообмена ими активно использовался железнодорожный транспорт. Себежская администрация, например, намеренно отправляла в Латвию бракованный подвижной состав. За границей такие вагоны не принимались, опечатывались и перегонялись обратно. По существовавшим правилам отбракованный состав не проходил специального таможенного досмотра. Поэтому перед отправкой назад в него закладывался контрабандный груз [6]. Разумеется, совершать подобные манипуляции можно было только по предварительному сговору с зарубежными коллегами.

Однако контрабандизм первой половины 1920-х гг. представлял собой угрозу не только экономическим интересам страны. Зачастую он был тесно связан с преступлениями против порядка государственного управления и прямо нарушал основы пограничного режима на Северо-Западе.

Достаточно опасные группировки контрабандистов, занимавшихся переправкой в Россию нелегального спирта, базировались на южном побережье Финского залива. Особенно дерзко они действовали в Сойкинской, Кирновской и других волостях Кингисеппского уезда. По свидетельствам очевидцев, с деревьев на

берегу залива местные контрабандисты подавали условные сигналы в направлении Финляндии или Эстонии, после чего в советские территориальные воды входили быстроходные иностранные катера. Приближаясь к берегу, они обстреливали пограничные посты и выбрасывали в воду порой сотни бидонов со спиртом [7]. Окрестные жители вылавливали их, прятали в лесах, а затем составляли целые караваны и под усиленной охраной отправляли в тыл. При этом задержанные контрабандисты были так уверены в силе своих организаций, что очень редко соглашались выдавать сообщников.

Наиболее привлекательными для контрабандистов были пограничные районы, приближенные к крупным потребительским центрам – прежде всего к Петрограду и Москве. Поэтому идеальным коридором для транзита контрабанды на северо-западе страны оказалась почти равноудаленная от обеих столиц Псковская губерния. По сведениям ОГПУ, в данный промысел была вовлечена значительная часть населения Псковского, Островского, Опочецкого и Себежского уездов [8].

В этот период отчетливо проявилась тенденция к профессионализации псковских контрабандистов. Контрабандисты-одиночки, пытавшиеся таким образом удовлетворить свои личные потребительские запросы, довольно быстро трансформировались в «промысловиков», зачастую объединяясь в устойчивые преступные группы. Они работали по найму, получая за доставку контрабандного товара от 10 до 25% его стоимости – в зависимости от объема партии, расстояния ее доставки и степени участия отдельных сообщников [9]. Существовали и сплоченные команды, которые не только ходили за границу, но и доставляли товар к месту сбыта в крупные города России, где самостоятельно его реализовывали.

Первоначально эффективной борьбе с профессиональными контрабандистами препятствовали вооруженность и хорошая организованность последних. Для нейтрализации действий пограничной охраны контрабандисты устраивали всевозможные системы сигнализации, наблюдательные пункты и даже засады [10]. Малочисленные дозоры красноармейцев не всегда могли совладать с такими сообществами. Порой контрабандисты курсировали в районе границы совершенно открыто. Начальник таможенного поста № 27 на острове Талабск (Залита) в Псковском озере, например, отмечал зимой движение по льду на участке его ответственности целых обозов в несколько саней, сопровождаемых вооруженными людьми [11].

Контрабандный промысел на Псковщине оказался очень рентабельным. Поэтому переход государственной границы носил массовый характер. Особенно заметно это было на псковско-эстонском рубеже, обозначенном проволочными заграждениями шириною в тир кола. Вся колючая проволока здесь, начиная от стыка с латвийской границей и вплоть до Псковского озера, была увешена ключьями льна, оставшимися при протаскивании его местными жителями через заграждения [12]. Проведенная Псковским губернским отделом ГПУ весной 1923 года проверка констатировала, что граница фактически открыта как для контрабандизма, так и для шпионажа [13].

Аналогичная ситуация в данный период сложилась и в районе Псковско-Чудского водоема (третьего по площади в Европе). В период навигации контрабандистские рейсы здесь осуществлялись в основном силами местных рыбаков, которые прятали товар в прибрежных камышах. Зимой на лед выходили жители более удаленных от границы волостей и уездов. Иногда появлялись «представители» соседних губерний. Наиболее частыми гостями такого рода являлись выходцы из Лужского уезда Петроградской губернии.

Чаще всего маршрут контрабандистов лежал между устьем реки Великой и Талабскими островами. Сборными пунктами для них на восточном берегу Псковского озера служили деревни Абижа, Жидилов Бор, Черново, Ершово [14]. На побережье Псковско-Чудского озера в пределах Гдовского таможенного участка контрабандисты двигались, как правило, через деревни Рудница, Самолва, Мтешь, Теребище, Балсово и Немолва, а затем переправлялись на эстонский берег через узкий пролив, именуемый Теплым озером. Севернее Гдова они концентрировались в районе деревень Писковицы, Локоть, Орел [15].

От побережья Псковского озера контрабанду доставляли к железнодорожным станциям или шоссейным дорогам на линии Псков – Петроград или Псков – Бологое. От Чудского озера она шла в направлении Кингисеппа [16].

Активность российских контрабандистов поощрялась прибалтийскими правительствами, за которыми стояли влиятельные деловые и политические круги западных стран, прежде всего Великобритании [17]. Еще в самом начале 1920-х гг. контрабандная торговля была легализована Эстонией и Латвией посредством учреждения так называемых «транзитных лавок», которые располагались буквально в нескольких шагах от пограничного рубежа и функционировали по колониальному принципу: т.е. промышленные товары менялись в них на сырье по весу. Будучи лично заинтересованными в прозрачности границы, лавочники часто организовывали провокации и являлись подстрекателями неоднократных обстрелов войсковых нарядов местными контрабандистами.

Борьбу с различного рода нарушителями границы серьезно затрудняло отсутствие развитой пограничной инфраструктуры. Пограничные кордоны располагались далеко друг от друга. Связь часто нарушалась или вовсе отсутствовала. Государственный рубеж был слабо обозначен на местности. Планомерная расчистка пограничной полосы шириной в 150 саженей начала проводиться лишь с 1925 года. Военнослужащие были расквартированы по крестьянским избам и в силу материальной необеспеченности иногда попадали под влияние хозяев.

Тем не менее, система пограничного контроля постепенно совершенствовалась. Некоторое время охрана государственной границы осуществлялась строевыми частями Красной Армии. Но уже в середине 1923 года формируются подразделения пограничной охраны губернских представителей ГПУ. А в 1924 году эти органы и войска объединяются в единый аппарат погранохраны ОГПУ.

Данная реорганизация положительно сказалась на укреплении пограничного режима. В Псковской губернии первые пограничные городки начали закладываться в 1923 году. Однако еще в 1926 году на 37 застав и 8 комендатур Себежского, Островского и Псковского погранотрядов приходилось всего 17 готовых к эксплуатации зданий [18]. В условиях подобной неустроенности закрыть границу без содействия со стороны гражданского населения было довольно сложно.

К середине 1920-х гг. по инициативе государства все настойчивее начали предприниматься шаги для налаживания доброжелательных отношений между местным населением и пограничными властями. В июле 1925 года при Политбюро ЦК ВКП(б) под председательством М.И. Калинина прошло заседание специальной комиссии, на котором было принято принципиальное решение о необходимости интенсивного социально-экономического развития приграничных районов страны. Контролировать выполнение поставленной задачи на Северо-Западе России, Украине и в Белоруссии было поручено Я.В. Полуянову.

В интересующем нас регионе соответствующую работу координировало Северо-Западное областное бюро ЦК ВКП(б). Для детального обследования пограничных районов при нем была создана специальная комиссия в составе: Руса-

нова, Москвина, Мессинга, Струппе (секретарь Псковского губкома), Ярвисало, Саакова и Кондратьева [19]. Вопросы борьбы с контрабандой и бандитизмом в этой комиссии курировал начальник полномочного представительства ОГПУ в Ленинградском военном округе С.А. Мессинг.

К началу августа 1925 года губернские комитеты партии, в том числе и псковский, обязаны были передать туда перечень неотложных мероприятий по улучшению хозяйственного и культурного состояния пограничных уездов. Среди указанных мер особое внимание первоначально отводилось оказанию семенной и продовольственной помощи гражданскому населению, снижению его налогообложения, увеличению средств райсоюзов всех видов кооперации, стимулировании мелкой торговли, интенсивному казарменному и дорожному строительству в приграничной полосе, а также развертыванию там сети просветительских учреждений.

Согласно ПП ОГПУ в ЛВО № 173 и последовавшему за ним распоряжению Псковского губернского отдела ОГПУ № 261 начальники погранотрядов были обязаны не только вести разъяснительную работу среди местных крестьян, но и оказывать им посильную материальную помощь. С этой целью осенью 1925 года в пограничных уездах была развернута агитационная кампания под лозунгом: «Погранохрана лицом к деревне» [20].

В целом социальная поддержка гражданского населения положительно сказывалась на его участии в охране государственной границы. Уже летом 1926 года Псковский губернский отдел ОГПУ с удовлетворением отмечал, что 20-25% задержаний нарушителей пограничного режима производилось при гласном содействии местных жителей. Еще больший процент задержанных должно было давать негласное сотрудничество.

Однако подобные доверительные отношения складывались все же не повсеместно. Согласно информации сотрудников ОГПУ за шестнадцатикилометровой приграничной полосой продолжали процветать «вера во вздорные слухи» и «сокрытие от органов власти преступного элемента». Не изменилось и отношение многих крестьян к контрабандизму. Человек, отозвавшийся отрицательно о контрабандистах, терял в их среде всякое доверие. Его автоматически причисляли к «агентам», «сыщикам», «тайникам» и «вредили при всяком удобном случае» [21]. Такое различие в настроениях населения официальные лица объясняли нехваткой ресурсов для устройства «полной советской общественности» за пределами пограничной полосы [21].

Действительно, в силу ограниченности средств на местах, усиленное снабжение погранрайонов хлебом, промтоварами, строительным лесом и многим другим шло за счет урезания запросов внутренних районов губернии. Сюда же направлялась большая часть безвозмездных кредитов и других финансовых льгот. Административно-хозяйственная поддержка такого рода, конечно, не была рассчитана на быструю социальную регенерацию приграничных уездов в целом. Не случайно после переноса государственной границы далеко на запад и перехода Псковского края в разряд «тылового», они сами превратились в неперспективную глубинку.

Однако в тактическом отношении описанная выше политика имела и положительные результаты. Прежде всего, она позволила изжить промысловый контрабандизм как массовое явление. Заручившись поддержкой местного населения, компетентным органам удалось в короткие сроки свести этот незаконный промысел на Северо-Западе России к минимуму.

По мере нарастания военной напряженности в Европе все большее внимание в 1930-е гг. уделялось охране псковского участка государственной границы и обеспечению режима безопасности в примыкающих к ней районах. В процессе

этой работы в Струго-Красненском районе, например, был арестован немецкий инженер, неоднократно проводивший фотосъемку местности [22].

Среди населения проводилась разъяснительная работа о необходимости содействия борьбе с закордонным шпионажем, которая приобрела массовый характер. Так, 1 сентября 1937 года во всех районах Псковского округа был организован единый политдень на тему: «Капиталистическое окружение, цели и методы иностранных разведывательных органов и их троцкистско-бухаринской агентуры». По неполным данным, в ходе указанного мероприятия с соответствующей политинформацией ознакомились 85846 граждан, в качестве докладчиков выступили 1043 агитатора, а в прениях – 5485 слушателей, от которых поступило приблизительно 10570 вопросов [23].

Местных жителей предупреждали о необходимости проверять документы у всех незнакомых лиц, включая уполномоченных из вышестоящих организаций, так как под их личиной могут скрываться шпионы. Первым учреждением, куда граждане обязаны были сообщать о подозрительных прохожих или доставлять лиц, замеченных в нарушении пограничного режима, являлись территориальные органы НКВД. Но иногда приграничные жители относились к своему общественному долгу несколько легкомысленно. В районе Новоселья какого-то человека, отказавшегося назвать себя, колхозники привели в Жабенецкий сельсовет. Секретарь последнего составил акт, вручил его задержанному и велел ему самостоятельно идти в НКВД. Естественно, что неизвестный скрылся, как только оказался за порогом [24].

Конечно, у отдельных людей указанные «милиционные» способы противодействия иностранным спецслужбам могли вызвать некоторые вполне понятные колебания. В том же Новосельском районе в бригаду женщин из колхоза «Знамя труда», работавших на тереблении льна, пришел неизвестный, который заявил, что он представитель Госбанка, и стал рассказывать о кредите в сумме 1500 рублей для покупки обуви и платья колхозникам. Когда женщины выразили сомнение, не является ли он шпионом, тот ответил: «Нет никаких шпионов, это вам все врут. Не о шпионах надо говорить, а о том, чтобы дали хлеба и обувь, прежде чем посылать на работу»¹¹⁰. Как с сожалением отмечали компетентные органы, женщины не догадались его задержать, и он скрылся.

Наряду с реальными и мнимыми шпионами содействие населения пограничной полосы помогало в борьбе с контрабандистами. И хотя его пик в Псковском крае пришелся на годы нэпа, контрабандизм оставался традиционным преступным промыслом некоторых местных групп. В 1937-1938 гг. сотрудниками НКВД было выявлено 348 псковских контрабандистов, причем на 80 из них имелся проверенный компрометирующий материал.

Отдельной проблемой для органов внутренних дел являлись так называемые перебежчики из стран Прибалтики. Если в 1920-е годы переход псковского участка государственной границы в направлении СССР зачастую приветствовался и даже поощрялся как живое доказательство преимуществ советского строя, то во второй половине 1930-х гг. он стал вызывать все возрастающее недоверие со стороны компетентных органов власти¹¹².

В связи с тем, что среди массы нелегальных эмигрантов действительно могли скрываться внедренные иностранными спецслужбами агенты, руководство НКВД СССР приняло радикальное решение: «Всех перебежчиков, в отношении которых будет прямо или косвенно установлено, что они перешли на территорию СССР со шпионскими, диверсионными и иными антисоветскими намерениями, предавать суду военного трибунала с обязательным применением расстрела. Дела

о всех перебежчиках, в отношении которых будет установлено, что они перешли на территорию СССР не злонамеренно, передавать на рассмотрение Особого совещания НКВД с применением меры наказания к десяти годам тюремного заключения».

В соответствии с полученным указанием начальник штаба 9-го погранотряда, делая обзор за 1937-1938 гг., высказал мнение, что увеличение числа перебежчиков является результатом активизации деятельности иностранных разведок по засылке в СССР шпионов, диверсантов и террористов (по причине разгрома их старых резидентур на территории СССР). Он также предполагал, что «большинство засылаемых к нам агентов инразведок имеет задачу во чтобы то ни стало осесть в СССР, не считаясь даже с несколькими годами тюремного заключения, и по оставлению на жительство в СССР в течение 1-2 лет не вести никакой разведывательной и подрывной работы, а внедряться в армию, в промышленность и всеми способами и средствами завоевывать авторитет и доверие и только потом осторожно приступать к подрывной работе. В случае возникновения войны против СССР перебрасываемые агенты иностранных разведок имеют задачу совершать диверсии, вредительства и теракты где только можно» [25].

Наиболее эффективной формой профилактики вероятной подрывной деятельности со стороны таких лиц считалась их своевременная изоляция. Поэтому объяснения перебежчиков, например, о тяжелом положении в Прибалтике русскоязычного населения Особым совещанием НКВД в этот период зачастую не принимались, хотя в 1933-1934 гг. сначала в Латвии, а затем в Эстонии действительно были установлены военно-авторитарные диктатуры, проводившие жесткую политику в отношении национальных меньшинств. За первый квартал 1938 года число переходов на советскую сторону через псковский участок границы возросло по сравнению с аналогичным периодом 1937 года на 300%, а в апреле – даже на 650%⁵. Дела подозрительных перебежчиков, среди которых попадались и несовершеннолетние, решались по принципу: «Из-за недостаточности доказательств в шпионаже направлять в суд нельзя, но и выпускать на свободу невозможно – социально опасны».

Пограничники составили даже своеобразную классификацию основных способов переброски иностранных агентов на территорию Псковского края:

- 1) инсценировка побега со стрельбой вслед перебежчикам;
- 2) демонстративный переход днем с мнимым преследованием переходящих;
- 3) переброска под видом потерпевших бедствие на озере и под видом заблудившихся рыбаков;
- 4) переброска агентов в группе лиц, симпатизирующих СССР и бежавших сюда от невыносимых условий [25].

По мере нарастания в мире военной напряженности накалялась обстановка и в пограничной полосе Псковщины. В 1938 году, по сообщениям пограничников, Эстонию неоднократно посещали группы немецких и японских офицеров, совершавшие поездки вдоль псковского участка государственной границы [25]. Отмечалось вызывающее поведение эстонской пограничной стражи, иногда доходившее до перестрелок с нашими пограничными нарядами. Недружественные шаги со стороны прибалтийских республик и увеличение количества засылаемых в СССР лазутчиков во многом справедливо рассматривались в аппарате НКВД как происки спецслужб тех государств, которые стояли за их спиной.

Начало войны показало в дальнейшем всю опасность подрывной работы вражеской агентуры. И, тем не менее, массовая охота на шпионов в 1930-е гг. являлась в значительной степени организационно-идеологической формой обеспе-

чения не только внешней, но и внутренней безопасности советской политической системы.

После включения в состав Советского Союза стран Прибалтики государственная граница отодвинулась от Псковского края далеко на запад. С военно-политической точки зрения это мероприятие было вполне оправданным, поскольку лишало потенциального противника идеального стратегического «коридора» для беспрепятственной фланговой атаки на европейскую часть СССР (аналогичной удару немцев по Франции через территорию Бельгии и Нидерландов). Показательно, для нейтрализации обходного маневра немцев в рамках плана «Гельб» западные союзники планировали выдвинуть свои войска на территорию нейтральных Бельгии и Голландии, используя многочисленные реки и каналы данного региона в качестве естественных преград на пути немецкого наступления (так называемый «План Д»). Но так как Бельгия и Голландия упорно пытались сохранить нейтралитет, данный план стал реализовываться слишком поздно и только частично, что привело в итоге к капитуляции Франции и дюнкеркской эвакуации союзников с континента.

Следует особо отметить, что в реальных планах немецкого командования 1940-1941 гг. Прибалтика действительно рассматривалась как важный плацдарм, необходимый для эффективного наступления на две российские столицы – Ленинград и Москву. Его приказ от 31 января 1941 года уточнял, что после оккупации Прибалтики часть войск немецкой группы «Север» должна соединиться с войсками группы армий «Центр» и вместе двинуться в направлении Смоленска. В это время другая часть группы армий «Север» после форсирования Западной Двины (Даугавы) в районе Даугавпилса должна была двинуть свой правый фланг в район между городами Опочкой и Псковом, создав необходимые условия для быстрого наступления на Ленинград [26].

Снятие пограничных заслонов, кроме всего прочего, в какой-то степени осложнило работу органов правопорядка, так как создало предпосылки для проникновения на Северо-Запад РСФСР профессиональной преступности из Латвии и Эстонии. Демонтаж в 1940 году на территории Прибалтики старой системы управления сопровождался роспуском полицейских органов и ускоренным формированием аппарата милиции советского образца. Для укрепления его опытными кадрами сюда направлялись сотрудники РКМ из других районов страны. Одновременно в структуре НКВД СССР появился особый отдел для оказания практической помощи милицейским подразделениям новых союзных республик.

К западу от новой административной границы Псковского округа нелегально действовали вооруженные группы прибалтийских националистов. Время от времени они осуществляли вылазки против советских работников и сотрудничавших с ними лиц, устраивали теракты и диверсии в государственных учреждениях, совершали хищения имущества для своих нужд и т.п. Этот политический и уголовный террор серьезно дезорганизовывал порядок управления на местах и подрывал общественную безопасность в республиках Прибалтики.

Теоретически существовала опасность просачивания «лесных братьев» на территорию Псковского округа со стороны Печорского и Палкинского уездов, оставшихся еще в составе Эстонской и Латвийской ССР на основании мирных договоров 1920 года. Однако на практике организованные бандформирования границ округа фактически не пересекали, т.к. не имели здесь сколько-нибудь надежной социальной опоры.

1. Иванов В.А. Хозяйственно-экономическая ситуация на Северо-Западе России во второй половине 20-х годов: проблемы борьбы с контрабандой //

- Ученые записки Санкт-Петербургского им. В.Б. Бобкова филиала Российской таможенной академии. № 1 (1), 1996. С. 62.
2. ГАНИПО. Ф.1. Оп. 1. Д. 304. Л. 66.
  3. ГАНИПО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 304. Л. 9-22.
  4. ЦГА СПб. Ф. 198. Оп. 6. Д. 121. Л. 57.
  5. ЦГА СПб. Ф. 198. Оп. 6. Д. 38. Л. 71.
  6. ЦГА СПб. Ф. 198. Оп. 6. Л. 62.
  7. ЦГА СПб. Ф. 198. Оп. 6. Л. 71.
  8. ЦГА СПб. Ф. 198. Оп. 6. Д. 101. Л. 34.
  9. ЦГА СПб. Ф. 198. Оп. 6. Л. 35.
  10. ЦГА СПб. Ф. 198. Оп. 6. Л. 33.
  11. ГАНИПО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 304. Л. 67.
  12. ГАНИПО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 304. Л. 65.
  13. ГАНИПО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 304. Л. 45.
  14. ГАНИПО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 304. Л. 67.
  15. ГАПО. Ф. Р1125. Оп. 1. Д. 2. Л. 43.
  16. ЦГА СПб. Ф. 198. Оп. 6. Д. 101. Л. 33.
  17. Почс К.Я. «Санитарный кордон» : прибалтийский регион и Польша в анти-советских планах английского и французского империализма (1921-1929 гг.). Рига, 1985. С. 34.
  18. ГАПО. Ф. 590. Оп. 1. Д. 213. Л. 88.
  19. См. Чистиков А.Н. Партийно-государственная бюрократия северо-запада Советской России 1920-х годов. СПб., 2007. С. 43.
  20. ГАНИПО. Ф.1. Оп. 1. Д. 394. Л. 470.
  21. ЦГА СПб. Ф. 198. Оп. 6. Д. 121. Л. 57.
  22. ГАНИПО. Ф.3. Оп. 2. Д. 1298. Л. 70.
  23. ГАНИПО. Ф.3. Оп. 2. Д. 60. Л. 30.
  24. ГАНИПО. Ф.3. Оп. 2. Д. 119. Л. 72.
  25. ГАНИПО. Ф.3. Оп. 2. Д. 119. Л. 90.
  26. Ланнуа Ф. Битва за Ленинград. 1941. 22 июня – 31 декабря. – М.: Эксмо, 2009. С. 18.

ОХРАНА МАТЕРИНСТВА И ДЕТСТВА В РОССИИ И БЕЛАРУСИ В ПЕРИОД СТАНОВЛЕНИЯ СОВЕТСКОЙ ВЛАСТИ

М.М. Калиновская

Витебск, УО «ВГУ им. П.М. Машерова»

Актуальность исследования определяется стремительно возросшим в последние годы научно-историческим и общественным интересом к вопросам положения женщины в советском обществе и защите материнства и детства. Целью работы является изучение и анализ советской системы охраны материнства и детства в период становления советской власти.

Материал и методы. Для исследования использовались материалы Национального архива Республики Беларусь, а также опубликованная в исторической литературе статистическая информация. В работе применялись общенаучные и специально-исторические методы исследования.

Результаты и их обсуждение. В начале 1920-х гг. в БССР, так же как и в Советской России, обострилась демографическая проблема, сложно складывалась ситуация с охраной материнства и детства. Первая мировая война, революции,